

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ КРЫМА

Пределы эффективности
и мобилизации

Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ КРЫМА

**Пределы эффективности
и мобилизации**

Андрей Колесников

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2015

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	5
Новая старая цивилизация	7
Спрос на идеологию	11
Сакрализация несвободы	13
Защитники крепости	17
Консервативная волна: политика и социальная база	19
Либеральный вопрос	24
Новый социальный контракт	26
Ловушка деинституционализации	28
Модернизация?	31
Примечания	33
Московский Центр Карнеги	37

Об авторе

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания Газета.Ru, член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Поворот общественного сознания в сторону российской консервативной идеологической эклектики, его кажущаяся стремительность и всеохватность представляются на первый взгляд неожиданными и даже загадочными.

Здесь возникает масса вопросов. Кто является драйвером этого поворота? Кто носитель новой, а на самом деле старой идеологии? Как она формировалась, из каких компонентов, каким авторитетом освящена? Можно ли назвать этот «российский идеологический фьюжн» государственной идеологией? И есть ли выход из архаичной идеологической ловушки, в которой оказалась Россия?

Базовые выводы исследования

- Многие компоненты нынешней идеологии, в том числе в ее пропагандистской ипостаси, во многом обусловлены предыдущим развитием России, идеологией русского национализма, в разные времена по-разному проявлявшей себя, но доминировавшей в политическом дискурсе и в политическом управлении. И в этом смысле теория path-dependence, «эффекта колеи», обнаруживающегося в том числе в культурных предписаниях (например, неформальном, коррумпированном способе урегулирования проблем), отчасти описывает причины укорененности некоторых традиционных российских идеологем.
- Идеологический консервативный поворот совершился не за один день. Он готовился исподволь, и социальный контракт, который огрубленно можно назвать «Крым и духовные скрепы в обмен на свободу», лишь стал пиковой точкой изменений, постепенно происходивших в головах россиян. А со стороны государства — и легитимацией таких изменений, когда в общественном сознании стало одобряемо то, на что ранее существовал моральный запрет. Например, одобрение войны, которое, как свидетельствует социология, достигло пика весной 2014 г., но после перехода конфликта в кровавую стадию все-таки существенно уменьшилось.

- Новая идеология основана на архаизации массового сознания, явлении, которое мы назовем «сакрализацией несвободы»: находясь в «осажденной крепости», окруженные извне внешними врагами, а изнутри «пятой колонной», люди начинают испытывать к лидеру «осажденной крепости» что-то вроде стокгольмского синдрома, проникаясь его логикой и отстаивая его интересы, чувствуя себя членами его команды. Поддержка идеологии власти стала способом адаптации к внешним обстоятельствам, конформизм — способом выживания, «духовность» (в том числе в православной ипостаси) — методом оправдания «правильности» своего социального поведения.
- Одновременно система запретов, ужесточение репрессивного законодательства, в том числе уголовного, процессы, имеющие во многом дидактический и предупредительный смысл (в частности, «болотное дело»), резкое осложнение работы демократических СМИ существенно ограничили поле свободного высказывания мнений. Как писал философ Мераб Мамардашвили, «всякая идеология доходит в своем развитии до такой точки, где ее эффективность состоит не в действии того, что она говорит, а что она не дает сказать»¹.
- Идеология — простой для восприятия массовый продукт, легитимизируемый постоянным обращением к прошлому, к «славным» традициям и событиям иной раз вымышленной отечественной истории. Да, такая идеология была предложена сверху, но на нее был спрос снизу.
- Тем не менее даже у столь успешной идеологии есть пределы эффективности и мобилизации. Люди голосуют за кошелек. Когда вместо кошелька им предлагают нечто «духовное», такая модель может работать до известных пределов. Снижается мобилизационная энергия и сила как самого социального контракта эпохи высокой нефтяной конъюнктуры («колбаса в обмен на свободу» — а колбаса становится хуже и дороже), так и его идеологического обеспечения в виде эклектичной идеологии российского изоляционизма. «Крымская анестезия» сознания оказалась удивительно эффективной, но в скором времени власти придется предложить что-то новое. Предложение должно будет сформировать спрос. Стратегическая проблема для власти — что именно предложить, учитывая, что «патрон» Крыма уже «отстрелян».
- «Новая старая» российская идеология оказывается в двойной ловушке.

Первая ловушка: идеология оправдывает деинституционализацию, которая шла все последние годы (собственно, и институты-то не успели адекватным образом сформироваться, хотя надо сказать, что в 1990-х и даже в начале 2000-х правительство и парламент были гораздо более работоспособными институтами, чем сейчас). Единственным работающим

органом становится даже не сам по себе институт президентства, а собственно глава государства, носитель «ручного управления». В результате эта модель переносится на все уровни социальной системы: поскольку институты не работают, а социальная ткань должна существовать в какой-то внятной рамке, эту рамку задают параллельные институциональные или квазинуституциональные системы. Предприниматели покрупнее решают вопросы в англосаксонской юрисдикции, те, что помельче, обращаются за защитой к локальному «стационарному бандиту», а на национальных окраинах, например в Дагестане, прибегают к шариату как к набору разделяемых ценностей и правил, имеющих более серьезный вес, чем «светские» нормы.

Вторая ловушка: идеология решает сиюминутные, тактические задачи мобилизации и консолидации общественного мнения. У нее нет того, что было, например, у коммунистической идеологии: большой цели, горизонта планирования. Словом, образа будущего. Идеология же, обращенная лицом к прошлому и спиной к будущему, не способна предложить нации цель развития. И в этом смысле продолжительность ее действия может оказаться ограниченной.

- Несмотря на консервативный поворот в массовом сознании и непопулярность абстрактно понимаемого «либерализма», у модернизационной идеологии с четким целеполаганием есть будущее. Социология показывает, что при всех патерналистских установках россияне в большинстве своем готовы полагаться только на свои силы, определяя себя как сторонников социальной поддержки со стороны государства при сохранении рыночной экономики². В принципе это простая идеологическая модель, которая может быть прагматизирована на основе формирования образа будущего и подготовки стратегических дорожных карт.

Модернизация начинается тогда, когда стагнация и отставание становятся ненужными для низов и опасными для верхов.

Введение *

В феврале 2015 г. Владимир Путин проводил вроде бы рядовое совещание по вопросам экономической политики — это часть существующей практики, которая позволяет наблюдателям считать президента еще и реальным премьер-министром. Речь зашла о том, что в условиях экономии средств и в ситуации, когда главной экономической стратегией становится импортозамещение, компания РЖД необоснованно закупила 150 вагонов в Испании. Министр транспорта Максим Соколов отметил, что больше такое не повторится, жить будем с отечественными вагонами, но при этом сообщил, что сама сделка с испанцами была заключена в 2011 г. и практически все вагоны уже поставлены изготовителями. Оказалось, что раскритикованные поезда — инновационные, и они способны адаптироваться к изменению ширины колеи с российской 1520 мм на европейскую 1435 мм. Но в ситуации политической самоизоляции России такие технические достоинства можно было бы считать и недостатками.

Эта история представляется двойной метафорой. Во-первых, отстаивания России, которое иногда идеологически оправдывается. Во-вторых, зависимости от предыдущего развития, *path-dependence*, явления, которое в России называют «эффектом колеи». В данном случае отказ от европейской железнодорожной колеи почти литературным образом совпал со стремлением двигаться только по своей, российской, особой колее. И никуда с нее не сворачивать. При этом антропологическая колея совпадает с технологической.

Есть такая теория QWERTY — расположение букв на клавиатуре, установленное в конце XIX в., сохраняется в прежнем виде теперь уже столетиями. Если описывать эту теорию упрощенно, то получается, что человеку легче оставаться приверженцем старой, но удобной и привычной модели. Неважно, насколько удобна или логична клавиатура

* Автор благодарит Василия Жаркова, заведующего кафедрой политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки), за ряд ценных замечаний и предложений.

QWERTY, — она работает, и расположение клавиш устраивает каждое следующее поколение.

То же касается и социальных практик: трудно менять модели поведения. Например, переходить от понятного, десятилетиями работавшего способа решать вопросы с помощью взяток и неформальных договоренностей к «инновационным» методикам, предполагающим действие формальных институтов и отсутствие взяток при преодолении административных барьеров. Именно поэтому, как выражается социолог и киновед Даниил Дондурей, взятки в России — это «культурное предписание»: комфортнее жить в привычной колее, более того, эффективнее, путь к искомому результату понятен. Выбирая между формальной и неформальной экономикой, россиянин нередко склоняется к использованию более удобных для него неформальных правил. И не только россиянин; как писал Эрнандо де Сото о Перу, «наши законы нестабильны и непредсказуемы, ибо зависят от того, кто выиграл перераспределительную войну».³ Из чего вытекают беззаконие и анархия включая поражение бюрократии — анархию чиновников и государственных ведомств.

«Эффект колеи», живущие внутри него культурные предписания, либо не дающие построить институты, либо разрушающие их; государство, живущее за счет ренты и потому склонное не к стимулированию производства национального богатства, а к перераспределению его через близкие высшим должностным лицам коалиции; пребывание многих граждан в неформальном секторе экономики — все это часть реальной политической системы, а не той, которая описана в Конституции. Больше того, реально существующая политическая, экономическая и бытовая культура все больше дистанцируется от ценностей (в основе своей западных), провозглашенных Конституцией. *Эрозия ценностей постепенно размывает и фундамент под нормами и институтами.*

Эти исторические, культурные, политические, экономические процессы важны с точки зрения понимания того, *почему так быстро после присоединения Крыма состоялся идеологический и ментальный поворот.* Или это и не поворот никакой, а просто легализация того, что и так уже фактически состоялось, а теперь стало «можно» то, чего раньше было нельзя — по крайней мере нельзя предъявлять и говорить в публичном пространстве?

Новая старая цивилизация

Весной 2006 г. мне довелось побеседовать с Вадимом Загладиным, видным представителем советской номенклатуры, чиновником, работавшим с несколькими генеральными секретарями ЦК КПСС, но и талантливым пишущим человеком, без спичрайтинга и редактуры которого Леонид Брежнев не был готов выходить со своими речами на публику. Буквально через несколько месяцев Загладин скончался и, наверное, это был его последний разговор с журналистом (их вообще было немного за всю его жизнь).

Он рассказывал, как Брежнев вычитал в своем же докладе, что СССР — целая цивилизация. Ему так понравилась эта идея, что с одобрения генерального секретаря Загладин написал целую брошюру о Советском Союзе как цивилизации, и она выдержала несколько изданий.

Следы этой цивилизации несут на себе постсоветские россияне. Хотя, конечно, русская «особость» уходит корнями в историю, символами которой, по определению Джеймса Биллингтона, стали «икона и топор», висевшие в любой избе — «духовная скрепа» и инструмент работы и отчасти войны. Были и символы с еще более симптоматичной семантикой: «железная пара» — пушки и колокола, Царь-пушка и Царь-колокол, большие, милитаристски-религиозные, не применимые на практике⁴.

О причинах русской обособленности в «Очерке развития русской философии» (1922 г.) замечательный русский философ Густав Шпет писал: «В хвастливом наименовании себя *третьим Римом* она (Россия. — А. К.) подчеркивала свое безотчество, но не признавала его. Она стала христианской, но без античной традиции и без исторического культуропреимства. Балканские горы не дали излиться истокам древней европейской культуры на русские равнины. <...> Безопасность государства требовала закрытия всех путей. Спешно сооружались шлагбаумы, и к охранению дорог была призвана вновь “вера”. Мерещился в одеянии еллинской мудрости бес»⁵.

«Невегласие», т. е. в терминах Шпета *культурная и языковая отстраненность России от Европы*, «латинянства», — естественными своими следствиями имело изоляционизм, подозрительность ко всему иностранному, мессианство, государствоцентризм.

Можно не соглашаться с теорией историка Александра Янова, согласно которой российская история словно бы взята в плен историческими циклами «реформа — контрреформа» или «реформа — стагнация — контрреформа»⁶. Но действительно есть какая-то безысходная повторяемость исторических процессов, когда на протяжении жизни одного поколения политический маятник качается из стороны в сторону, иллюзии сменяет отрезвление, частную инициативу — пугливый конформизм, порыв к свободе — столь же страстное бегство от свободы, открытость миру — изоляционизм, вестернизацию — обращение к архаичным традиционным ценностям.

Любая жесткая модель условна, тем не менее даже советская история подчиняется некоторой двух- или трехтактности. После военного коммунизма — фактическая рыночная реформа, НЭП. После НЭПа, минуя стадию стагнации, приходит жесткая контрреформа. В послевоенное время вслед за ней наступает кульминационная стадия развития тоталитарного режима — одновременно пик торжества и начало вырождения. Смерть Сталина обозначила рубеж, с которого стартовала новая эпоха. Хрущевские реформы стали серией попыток преобразований в экономической, политической, управленческой сферах. При этом что главным ее достижением стало раскрепощение, хотя и частичное, сознания.

Остаточные трансформационные шаги — косыгинские реформы — были остановлены. С одной стороны, по объективным социально-экономическим причинам: внутри социалистического «выбора» осторожное введение минимальных экономических свобод, не сравнимых по глубине даже с венгерской и югославской моделями, оказалось неэффективным — рынок без капитализма не получился. С другой стороны, началась собственно политическая контрреформа — 1968-й год, «заморозки», танки в Праге, диссиденты в тюрьмах (впрочем, здесь знаковой чертой стал первый «полный» год правления Леонида Брежнева — 1965-й, с арестом в сентябре Андрея Синявского и Юлия Даниэля и демонстрацией в декабре на площади Пушкина; с этого времени принято отсчитывать рождение диссидентского движения).

Начало 1970-х — третий такт начавшегося с Хрущева цикла: стагнация. За стагнацией естественным образом последовала реформационная стадия — перестройка. Она в постсоветских обстоятельствах была продолжена либеральными экономическими реформами Егора Гайдара. Безотносительно к тому, как оценивался этот процесс авторами перестройки, и независимо от того, какими были отношения Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, всё это части единого исторического процесса. И завершился он стагнацией. В терминах Ирины Стародубровской и Владимира Мау — «постреволюционной стабилизацией», а затем текущей устойчивостью при долгосрочной нестабильности⁷. Эта стадия была отмечена знаковым арестом Михаила Ходорковского и поражени-

ем на парламентских выборах демократических партий в 2003 г. А затем, после выборов президента в 2012 г., началась полномасштабная контрреформа. С отказом как от достижений первого этапа реформ — горбачевских преобразований, так и второго этапа — ельцинско-гайдаровских.

Повторяемость историко-идеологических процессов характерна для России. Как показал Николай Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма», родовые свойства Московского царства и Российской империи унаследовала и коммунистическая империя, «где интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства». «Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось под символикой мессианской идеи. ... Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно так же и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры»⁸.

Симптоматично, что Россия в своей ментально-идеологической основе остается страной сдвоенных понятий, ключевые из которых — «Власть-собственность» (обладание властью одновременно предполагает обладание собственностью) и «Государство-цивилизация». Последний феномен хорошо описал Даниил Дондурей: «Именно государство-цивилизация как суперинститут защищает народ, традиции, свою историю, культуру, мораль, “правила жизни”, но главное — все свои отличия и суверенитет. В этом его миссия. Необходимо постоянно демонстрировать свою сверхсилу, иначе жители страны будут разочарованы. Они должны твердо знать, что любые жертвы приносятся ради предназначения — сохранения сильного государства. Президент говорит об этом всю вторую половину минувшего года: “Нас не подчинить”»⁹.

Вопрос особенностей предыдущего развития, унаследованных современностью, и в этом контексте проблема отношения к собственности — чрезвычайно важны. В тех регионах страны, где не было крепостного права, сельское население по-прежнему отличает более свободное поведение, там, где крепостное было, люди гораздо более скованны в проявлении частной инициативы¹⁰.

Есть еще одна гипотеза, характеризующая отделение России и зоны ее влияния от западного мира. Собственно, Запад и Восток с момента возникновения железного занавеса и вплоть до его падения разделялись по критериям отношения к собственности и традициям владения, пользования, распоряжения. Например, выдающийся советский философ-марксист Эвальд Ильенков в статье 1965 г. «Маркс и западный мир» четко делил Запад и Восток по критерию формы собственности: «...Иметь в виду под “западным миром” ту часть современного мира, вся жизнь которой организована на основе частной собственности, а под “восточным

миром» — ту его половину, которая встала на путь обобществления собственности, т. е. на путь социализма и коммунизма»¹¹.

Наконец, мир русской идеологии — мистический, дистанцированный, непостижимый. То есть заколдованный, как «заколдованы» показатели рейтингов Владимира Путина (термин в этом значении — заколдованный мир, *Entzauberung der Welt*, — впервые был употреблен Максом Вебером в 1919 г.). Французский философ Цветан Тодоров в книге «Дух Просвещения» писал, что «Просвещение создает расколдованный мир»¹². В сегодняшнем мире *российская власть пытается обратно «заколдовать» мир в стилистике, свойственной скорее теократиям, предшествовавшим эпохе Просвещения, нежели современным государствам. Назовем этот тренд «сакрализацией несвободы», сопровождающейся насаждением фундаментализма и нетерпимости к «другому», — это то, что сближает столь вроде бы не похожих друг на друга крайне правых в Европе и исламских радикалов. Ультраконсервативная идеология объединяет наиболее радикально националистически настроенных адептов нынешнего политического режима в России и тех же «лепенистов» во Франции.*

Типологически идеология, ставшая сегодня в России мейнстримом в общественном мнении и одновременно государственной пропагандистской доктриной, многократно воспроизводилась в общемировой, в том числе европейской, ультраконсервативной традиции. И в этом смысле российский особый путь, обусловленный географией, историей, культурой и идеологемами вроде триады графа Уварова «православие — самодержавие — народность», все равно не такой уж уникальный. В эссе «Жозеф де Местр и истоки фашизма» сэр Исайя Берлин писал, что де Местр называл врагами «масонов и евреев, ученых и демократов, якобинцев, либералов, утилитаристов, сторонников антиклерикализма, эгалитаризма и секуляризации, защитников способности человека к совершенствованию, материалистов, идеалистов, законовевов, журналистов, интеллектуалов всех мастей». Берлин подчеркивал: «Приведенный перечень с тех пор неоднократно повторяли»¹³.

В любом ультраконсервативном дискурсе мы найдем сходство с риторикой и коммунистов самых темных лет советской власти, и нынешних «православных госкапиталистов», и публицистов из ультраконсервативной газеты «День» 1990-х годов. Фразу «Наука — это не собственность состоятельного класса бюргеров, орудие, своекорыстно используемое этим классом для эксплуатации трудового народа» мог произнести Иосиф Сталин, но произнес Мартин Хайдеггер в речи 1933 г. «Национал-социалистическая школа знания». Слова «университет вновь должен стать воспитующей властью» могли принадлежать любому российскому депутату, озабоченному проблемой утраты российским образованием воспитательного значения. Но принадлежали тому же Хайдеггеру, ратовавшему за «трудовое и оборонное» значение зна-

ния в речи по случаю вступления его в должность ректора Фрайбургского университета 27 мая 1933 г.¹⁴

Но надо признать: такой тип мышления архаичен. И несмотря на непростые мировоззренческие процессы, происходящие сейчас в Европе с связи с антииммигрантскими настроениями, ультраконсервативные идеологии там считаются маргинальными. И враждебными — по отношению к свободным обществам и политическим демократиям, к человеческому достоинству.

Так что если на просторы России и возвращаются «правильные» идеология и «государство-цивилизация», то это такое «будущее в прошедшем», экзотическая архаика, внезапно (внезапно ли?) ставшая мейнстримом.

Спрос на идеологию

Чтобы представить себе, какие разговоры можно услышать сегодня в консервативных политических салонах Москвы, в комнатах отдыха при кабинетах глав государственных корпораций, во многих гостиницах в квартирах после евроремонта, достаточно прочитать рассказ Владимира Набокова, написанный в 1945 г. и опубликованный в «Нью-Йоркере», — «Образчик разговора, 1945». Русский идеологический фьюжн ничуть не изменился с тех пор. Слова бывшего белогвардейского полковника — блистательное «саммари» в том числе и современного российского идеологического мейнстрима: «...Великий русский народ проснулся, и моя страна — опять великая держава. У нас было три великих самодержца. У нас был Иван, которого враги прозвали Грозным, у нас был Петр Великий, и теперь у нас Иосиф Сталин. Я белый офицер и служил в царской гвардии, но я также русский патриот и православный христианин. Сегодня в каждом слове, долетающем из отечества, я чувствую величие нашей матушки России. Она опять страна солдат, оплот религии и настоящих славян»¹⁵.

Почему так быстро — не прошло и года с присоединения Крыма — этот идеологизированный типаж (в терминах Набокова — «советизированный русский черносотенец») стал слишком заметным (трудно оценить точно, доминирующим или нет) в современной России, которая четверть века двигалась в сторону Запада? Почему почти в этих же выражениях высказываются телеведущие государственных каналов и пользователи «Фейсбука», посетители столовой администрации президента и завсегдаги модных кафе? И кто является носителем такой идеологии?

Лешек Колаковский писал: «Идеология всегда слабее, чем те социальные силы, которые несут ее и служат проводником ее ценностей»¹⁶. И это правда. Трудно назвать необычайно мощной ту эклектичную идеологию, которая основана на упомянутой триаде графа Уварова и про-

поведует в XXI в., в постиндустриальную эру, самоизоляцию и милитаристский дух. Невозможно считать таким уж сильным политическим ходом присоединение еще одной территории, да еще в эпоху, когда территориальные приобретения не считаются признаком силы и удачи. Идеология нынешней российской власти — устаревшая и слабая. Но она «применена» в нужное время, в нужном месте и на подготовленной почве. Едва ли даже президент России мог предположить, что уровень поддержки политики власти окажется столь высоким, масштабным и эмоционально окрашенным. *Социальная волна поддержки идеологии, строго по Колаковскому, оказалась мощнее самой идеологии, взятой напрокат у XVIII, XIX и XX вв.*¹⁷

Государство не просто черпает легитимность своей политики и идеологии в прошлом, обеляя темные страницы истории, например оправдывая устами президента России «зимнюю войну» с финнами 1939 г. или афганскую авантюру 1979—1989 гг. Государство воспроизводит старые идеологические проекты. Например, «греческий проект» Екатерины II. С одной стороны, екатерининская Россия, метафорически воссоединяясь с Элладой, сражалась с Османской империей, с другой стороны, например в наружной рекламе в Москве февраля 2015 г., почему-то прославлялось взятие адмиралом Федором Ушаковым острова Корфу, случившееся в 1799 г. При этом как-то упускали из виду, что это был русско-турецкий флот, а с острова изгонялись французы, которые особого вреда жителям Корфу не причинили, а, например, построили на нем свой «бульвар Риволи» — Эспланаду, самый элегантный променад столицы острова, благополучно существующий до сих пор.

Из «греческого проекта» прямо вытекал «крымский проект» той же Екатерины: после изгнания турок Крым стал своего рода «буферным государством», протекторатом России, но затем, в апреле 1783 г., полуостров был присоединен — без единого выстрела — к России. Как писал исследователь русских идеологий Андрей Зорин, «Крым обладал для России громадным символическим капиталом. Он мог репрезентировать сразу и христианскую Византию, и классическую Элладу»¹⁸.

Разумеется, во всех идеологических проектах большую роль играла церковь. В разговоре со мной о преемственности российских идеологий тот же Андрей Зорин подчеркивал: «Возрождается идея симбиотического отношения государства с церковью. Государство опирается на легитимность, которая исходит от церкви. С другой стороны, церковь является административной службой государства, что увеличивает ее авторитет»¹⁹.

Все это — часть *предложения* идеологии. Но вначале был *спрос*. Возможно, из-за периода политических и экономических реформ 1990-х, — отложенный спрос на эклектичную идеологию русского «национал-изоляционизма». *Заслуга Путина состоит в том, что он создал товар, на который был спрос и который можно было выгодно и быстро продать, превратив его*

в массовый продукт. Частью этого продукта — новой идеологии — является и сам бренд «Путин».

Массовый продукт — это всегда простота. Простота как спроса, так и предложения. Это идеология, созданная без особых усилий и акцептированная без рефлексии.

Сакрализация несвободы

В самом конце декабря 2014 г. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) опросил граждан на тему «Отношение к России в мире». Оптимистические кривые шли строго вверх: и живем-то мы в развитой, передовой стране — скачок с 57% в феврале 2014-го до 69% в декабре того же года; в богатой стране — с 58% до 66%; в свободной — с 60% до 73%; в стране, которую боятся, — с 68% до 86%; в стране, влияние которой растет, — с 55% до 67%. Вот только не любят нас и необъективно к нам относятся за пределами страны²⁰. Согласно же ноябрьскому исследованию Левада-Центра 68% респондентов считают Россию великой державой. В сентябре 2012 г. таких было 48%: 20 процентных пунктов за два года!²¹

Для рефлексирующего меньшинства населения то, что происходит в России, — дистиллированная антиутопия или путешествие в прошлое. Для большинства — своего рода волшебная сказка. В том смысле, в каком об этом феномене писал Владимир Пропп в классическом труде «Морфология волшебной сказки»: персонажи сказки в повторяющихся сюжетах часто делают одно и то же. Сталин наводит порядок — и Путин наводит порядок, при Сталине нас все боялись — и при Путине стали бояться.

Россияне находятся в «осажденной крепости». Только одни полагают, что их взяли в заложники, а другие получают удовольствие от стокгольмского синдрома, проникаясь логикой того, кто в заложниках держит, — и сакрализуют свою несвободу.

В дело вступают и архаичные милитаристские инстинкты. Русское общество на протяжении десятилетий (если не столетий) было милитаризовано. Готовность к молниеносной военной мобилизации была едва ли не главной разделяемой ценностью в сталинском и послесталинском СССР. Даже значок, который выдавался советским детям за выполнение нормативов в спорте, назывался «Готов к труду и обороне». Советский дискурс был переполнен рассуждениями о «борьбе за мир». Как шутили тогда — вплоть до полного уничтожения мира. Непосильные военные расходы способствовали развалу СССР. Но этот урок полностью забыт.

В контексте сакрализации несвободы Крым — и причина, и следствие формирования сказочного сознания. Чудо, произошедшее в реальности, — даже от телевизора не надо было отходить.

Если сравнить графики инфляции и ухудшения отношения россиян к США и странам Евросоюза, визуально кривые будут идти вверх очень схожим образом (рис. 1—3). При этом надо понимать, что инфляция — базовая проблема, которая согласно соцопросам волнует россиян, а негативное отношение к Западу в последнее время бьет рекорды.

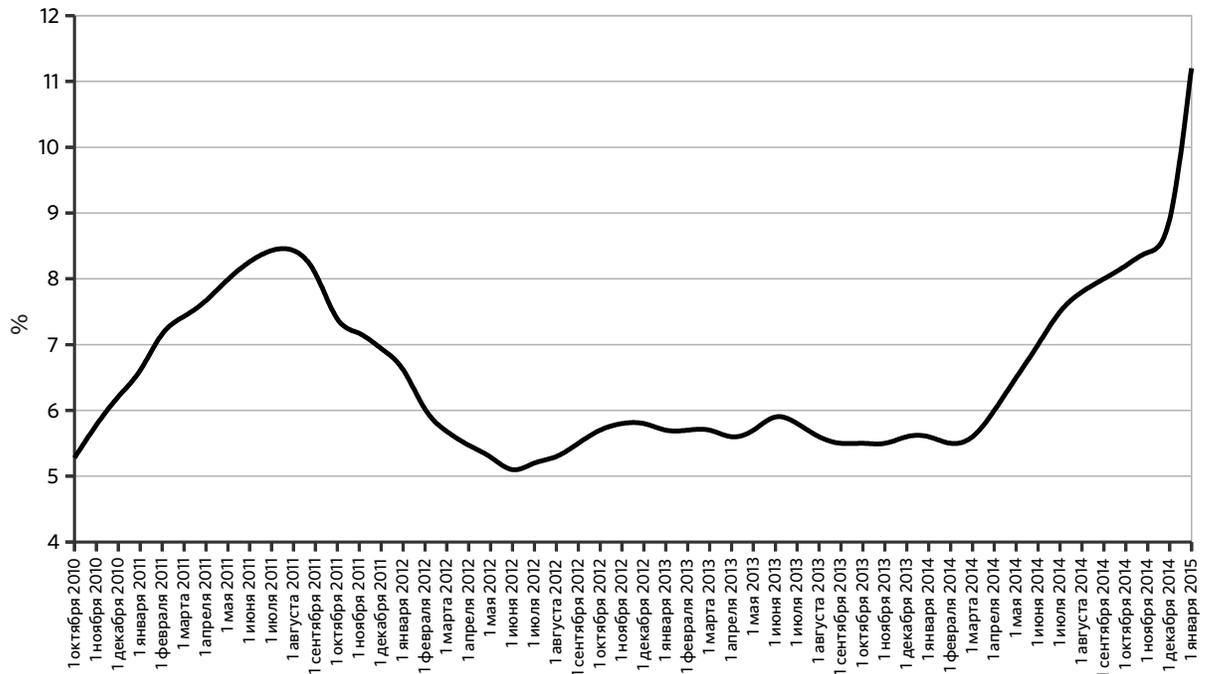

Рис. 1. Базовая инфляция в России.

Источник: Росстат

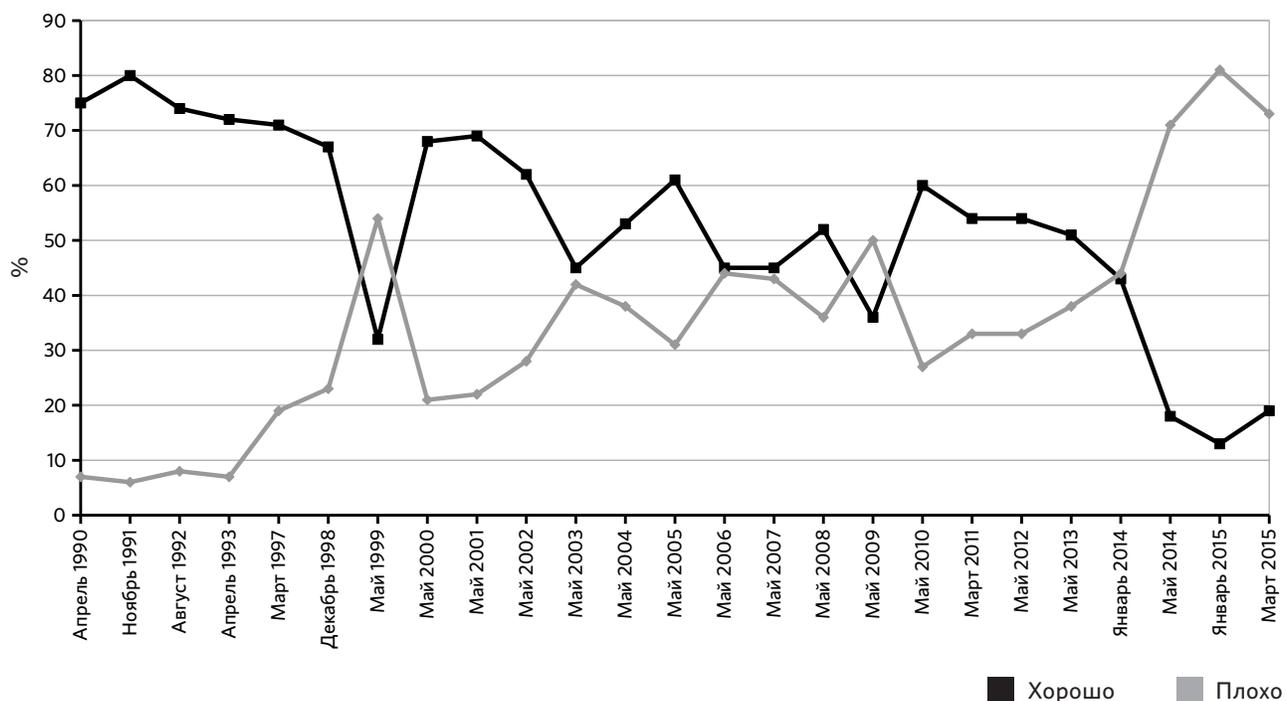

Рис. 2. Опросы Левада-Центра об отношении к США.
Вопрос: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?».

Источник: Левада-Центр

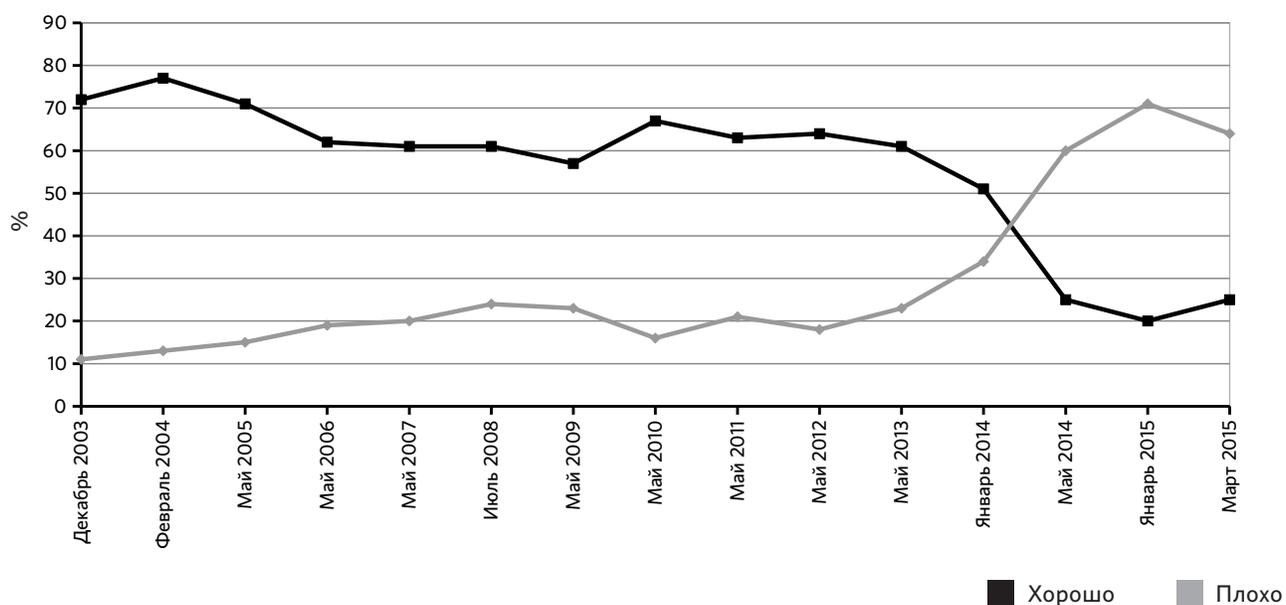

Рис. 3. Опросы Левада-Центра об отношении к ЕС.
Вопрос: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Европейскому союзу?».

Источник: Левада-Центр

Легко заметить, что ухудшение отношения к США и ЕС началось еще до «взятия Крыма» (серьезное ухудшение, впрочем, происходило во время конфликта Грузии и Южной Осетии в 2008 г.). Но уж после начала прямого противостояния с Западом и гибридной войны в Донбассе показатели негативного отношения стали преодолевать один исторический максимум за другим²².

Одновременно исторического максимума достиг еще один важный измеритель общественных настроений — отношение к Сталину: 52% россиян считают его роль в истории положительной. Причем существенно выросло именно число тех, кто считает его роль «безусловно положительной» (есть еще вариант «скорее положительная»), — с февраля 2013 по декабрь 2014 г. число таких респондентов выросло на 7 пунктов, с 9% до 16%²³.

Совокупное число относящихся к Сталину с восхищением (2%), уважением (30%) и симпатией (7%) составило 39% респондентов. Увеличилось число тех, для кого смерть генералиссимуса — это «утрата великого вождя и учителя»: с февраля 2013 г. по март 2015-го рост составил 6 пунктов, с 18% до 24%. Главное же — радикально увеличилось число тех, кто оправдывает массовые репрессии «великими» целями, — с 21% в ноябре 2012 г. до 38% в марте 2015 г. (респонденты, «в какой-то степени» согласные с этим утверждением) и с 4% до 7% («определенно» согласные)²⁴.

Массовое сознание вообще сильно «сталинизировалось» — одна за другой пошли инициативы по увековечиванию памяти «великого полководца» Сталина в монументальной пропаганде, музей ГУЛАГа «Пермь-36» переделали в музей лагерной охраны. И, например, вполне естественно на этом фоне смотрелась инициатива депутата Ирины Яровой по пенсионному обеспечению добровольных помощников следственных органов, попросту говоря — стукачей.

Причина «сталинизации» массового сознания в том, что Сталин стал для «крымского большинства» синонимом порядка и «золотого века» российской государственности. Идеологически нынешний политический режим как бы наследует Сталину, величию советской империи и ее главному достижению — Победе в Великой Отечественной войне. События эти дистанцированы во времени от сегодняшнего обывателя, большинству рядовых граждан и в голову не приходит, что советский народ победил в войне не благодаря, а вопреки Сталину, несущему историческую ответственность как минимум за уничтожение профессионального командного состава, поражения первых месяцев войны и большие человеческие потери.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение» (апрель 2015 г.), 46% россиян оценивают положительно деятельность Сталина как руководителя страны во время Великой Отечественной и лишь 7% — отрицательно. Традиционно в оценке серьезных вопросов и событий велика

доля затрудняющихся с ответом — таких в нашем случае 30%. Ставят Сталину в заслугу Победу 24% опрошенных, причем его жесткость и даже жестокость оценивают как положительные качества 15%.

Важно отметить, что положительное отношение к Сталину было идеологической константой как минимум с середины — конца 2000-х годов. Причем именно к концу второго срока Путина стали превалировать эмоциональные оценки. Например, согласно исследованию Левада-Центра, проведенному по заказу Фонда Фридриха Науманна в 2008 г., если в апреле 2001 г. такую сильную эмоцию, как восхищение по отношению к советскому диктатору, испытывали 12% респондентов, то в октябре 2008 г. доля восхищавшихся поднялась уже до 37%.

Прямая или косвенная апелляция к «величию» сталинистского периода — это не только способ оправдать ужесточение внутренней политики. Если Сталин в сознании существенного числа россиян — это Победа в Великой Отечественной, то и Путин в этой логике — наследник «хорошего» Сталина.

Носители спроса на новую пассионарную идеологию получили то, что хотели получить, — идеологию старого, почти советского образца и сталинистские социальные практики. И здесь мы должны вернуться к вопросу о том, кто он, этот носитель спроса, этот покупатель эклектики, этот идеальный защитник русской осажденной крепости.

Защитники крепости

В октябре 1965 г. в студии «Abbey Road» Битлы записали песню «Nowhere man» — «Человек ниоткуда». Ее сочинил Джон Леннон. После пятичасовой бесплодной работы он завалился на диван, и стихи и музыка пришли сами. Леннон нелицеприятно характеризовал «человека ниоткуда»: он и «слеп», т. е. «видит лишь то, что сам хочет видеть», у него нет собственной точки зрения, и вообще он не знает, куда идет. Хотя музыкант был снисходителен к своему персонажу — nowhere man «немного похож на нас с вами, не правда ли?».

Конечно, в бытовом смысле это была отчасти самокритика — Леннон сам себя считал самым ленивым человеком в Англии, но на выходе получилась социологическая картинка: портрет человека из «большинства».

Почти в то же время, чуть раньше, в 1964 г., прогремела книга Герберта Маркузе, который потом стал идолом поколения 1968-го — «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества». Маркузианский «одномерный человек», сильно напоминавший ленновского «человека ниоткуда», был продуктом капитализма — примерно той его версии, к которой с заметным опозданием пришло российское государство. Собственно, уже в заголовке введения к книге много что сказано: «Паралич критики: общество без оппозиции».

В обществе, где, как писал Маркузе, достигнута «свобода от нужды» (российский средний класс эпохи высокой минерально-сырьевой конъюнктуры и восстановительного экономического роста), «независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе». В результате государство обретает право «...требовать принятия своих принципов и институтов и стремиться свести оппозицию к обсуждению развития альтернативных направлений в политике *в пределах status quo*. ... В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным»²⁵.

Это ситуация того самого социального контракта: «комиссия от нефтяных доходов в обмен на поддержку режима», «свобода в обмен на колбасу», теперь, когда «свобода от нужды» в результате экономического кризиса оказалась под вопросом, — «свобода в обмен на Крым и духовные скрепы».

Тоталитарные режимы прошлого века стремились «выковать» человека нового типа с древнеславянской или древнегерманской физиономией, а вместо храмов построить просторные помещения с нерационально используемым избыточным пространством. В результате на пространствах империи получили «новую историческую общность — советский народ».

Можно предположить, что в 2014 г. в России появился человек нового типа — «посткрымский». Еще более «одномерный», чем тот, который мужал вместе с ценой на баррель нефти. Невозможно сделать достоверные выводы о том, стал ли этот типаж доминирующим в российском обществе. Но тот факт, что «посткрымский человек» существует и влияет на социальную среду вокруг себя, — очевиден.

Его ковала война, которую он вел, глядя в телевизор. Маркузе называл это явление «слиянием черт Государства Благополучия и Государства Войны»²⁶. Но благополучие уходит, а война остается. И в этой новой ситуации даже «посткрымский человек» начинает побаиваться войны.

Это хорошо видно на примере отношения к вновь актуализированной угрозе ядерной войны. 59% («определенно да» плюс «скорее да») респондентов Левада-Центра (опрос мая 2015 г.²⁷) считают, что США представляют угрозу для России. «Угроза» — понятие растяжимое. Рост по сравнению с предыдущим опросом 2007 г. дают две опции — угроза в создании препятствий на пути развития России (абстрактное понятие) и «возможность военного вторжения, оккупации». Последний вариант дал рост на 10 пунктов — с 21% до 31%. Это очень серьезная цифра, свидетельствующая и о милитаризации сознания, и о страхе перед войной как таковой, и о готовности к ней, и о специфических представлениях о США, и об оценке Украины как очевидного сателлита Америки, «оккупированной» страны, ведущей войну с юго-восточными повстанцами, а значит, с Россией.

Симптоматично, что по мере роста уверенности в державном величии России и всеобщей консолидации вокруг лидера и Крыма ушли страхи, связанные с другими опциями угрозы со стороны США, представленными в опросах социологов. В частности, с экономическим и политическим доминированием Америки (Россия в представлении россиян самодостаточна) и навязыванием ценностей (ценности «посткрымского большинства» отныне не подвержены влиянию Запада).

Сохранились еще остатки советского, вполне справедливого представления об обоюдной разрушительной мощи войны двух сверхдержав (при допущении, весьма ныне распространенном, что Россия — сверхдержава вроде СССР) — 55% согласны с тем, что победителей в такой войне не будет. Но 33% (против 5%) уверены, что в войне победит Россия.

Согласно тому же опросу 32% респондентов верят, что в случае боевых действий Путин может дать приказ использовать ядерное оружие (почти столько же, что характерно, сколько граждан уверено в победе в такой войне и сколько ожидают «оккупации» со стороны США). Примерно треть испытала страх от заявления президента о возможности использования ядерного оружия.

Милитаризация сознания привела — в противоречии с воинственным триумфализмом части респондентов — к тому, что россияне боятся на самом деле не США, а своего президента и возможности инициирования им использования ядерного оружия.

Консервативная волна: политика и социальная база

Строго говоря, постсоветский человек к концу 1990-х годов, к окончанию рыночных реформ практически полностью сформировался. И странным образом оказался ближе к модели советского человека, чем в начале 1990-х. Собственно, именно на рубеже 2000-х годов началось оформление будущего «путинского большинства» как травматической реакции на развал империи и смену общественно-политического строя и экономического уклада. Стали превалировать патерналистские настроения, антирыночные взгляды и националистические и имперские убеждения.

Консервативная волна набирала силу, в том числе политическую силу, не в одночасье, не в день «взятия» Крыма, а в течение долгих лет. Четыре года правления Дмитрия Медведева, породившие иллюзии модернизации и интеграции России в западный мир, по совокупному результату лишь усилили разочарование населения, позволили укрепиться консервативным настроениям, а власть по итогам президентских выборов 2012 г. получила мандат на укрепление каркаса авторитарного политического режима.

Весьма показательны результаты упоминавшегося выше социологического исследования, проведенного в 2008 г. по заказу Фонда Фридриха Науманна²⁸. В октябре 1991 г., перед самым распадом СССР и в преддверии начала экономических реформ, по данным Левада-Центра (тогда еще ВЦИОМа), 62% респондентов положительно относились к западному образу жизни (отрицательно — лишь 10%). Таковы были вера во всемогущество либеральных реформ и стремление к избавлению от советского наследия. В 2008 г. отрицательно к западному образу жизни относились 30% опрошенных, притом что существенная часть страны уже жила в западной потребительской парадигме. Возможно, поэтому показатель положительного отношения не обрушился, хотя и снизился очень существенно — до 46%.

Когда респондентам был задан тот же вопрос после присоединения Крыма, осенью 2014 г., положительно к западному образу жизни относились уже 34% опрошенных, а отрицательно — 42% (12 процентных пунктов за шесть лет). Картинка четвертьвековой давности превратилась в практически противоположную²⁹.

«Особый путь» при всей его неопределенности и скорее интуитивно понимаемой семантике неизменно оставался популярной моделью — в 2000-х годах показатели его поддержки колебались вокруг 60% (путь европейской цивилизации набирал около 20%). Интересно, что «особый путь» не был популярен в начале второго десятилетия XXI в.: в 2013 г. он набирал 37% сторонников. В апреле 2015-го, после первого патриотического шквала, его выбрали 55% респондентов («европейский путь» тем не менее собрал сравнительно высокий 31% — скорее всего это связано с тем, что выросло целое поколение, для которого западный образ жизни и потребительское поведение — норма)³⁰.

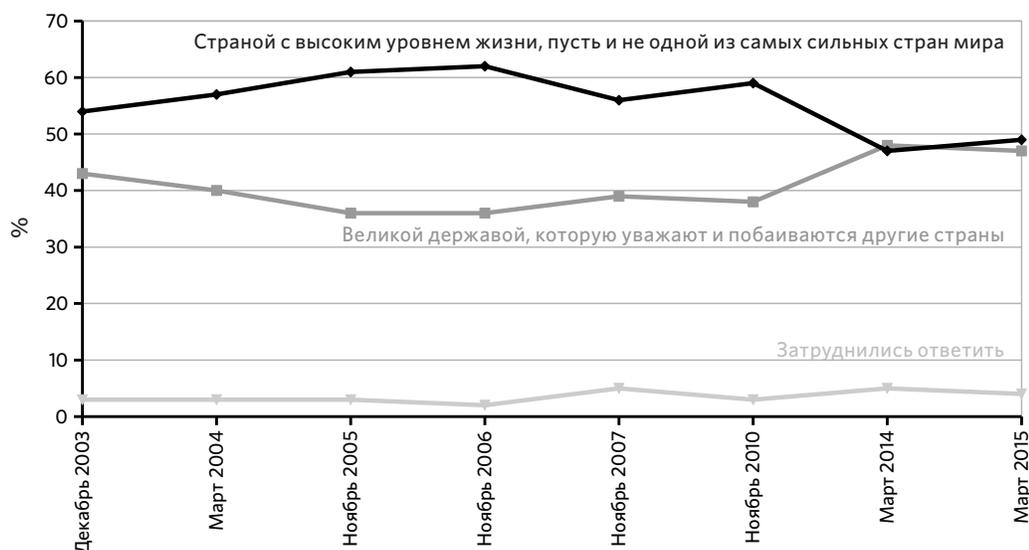
Очень быстро к концу периода правления Бориса Ельцина и к началу эпохи Владимира Путина существенная часть граждан — после шока от реформ и кризиса 1998 г. — стали сторонниками государственного вмешательства в экономику³¹.

Граждане в принципе хуже стали относиться к реформам. И уж тем более к структурным реформам новой волны, которые стояли в повестке «раннего» Путина: ЖКХ, образования, здравоохранения, социальной сферы, пенсионной системы, энергетики, естественных монополий. Эти реформы стояли ближе к повседневной жизни каждого, и люди, даже не будучи удовлетворены состоянием этих сфер, боялись, что все станет только хуже и непонятнее³². Неудачный опыт проведения в 2005 г. мини-реформы — монетизации многочисленных льгот в безденежной форме — лишь укрепил в гражданах (и, что характерно, в элитах) неприязнь к реформам: верхи уже утратили к ним интерес, не веря в свою способность адекватно их менеджировать (что подтверждалось практикой и в последующие годы: шараханья в пенсионной реформе, крайне неэффективное проведение ре-

формы здравоохранения, слабое администрирование общенационального экзамена — ЕГЭ), низы просто не хотели ничего.

Главный двигатель постъельцинской самоидентификации — год от года нараставшее стремление видеть Россию «великой державой», «с которой считаются и которой боятся», притом что высокий уровень жизни тем не менее оказывался главной характеристикой образа желаемого будущего, показателем сильной страны. Больше того, постепенно прагматические, а не идеологические представления побеждали — восстановительный экономический рост, высокая нефтяная конъюнктура и появление потребительски ориентированного среднего класса меняли big picture российского общества³³. Будучи в душе патерналистами, империалистами и националистами, в своем повседневном поведении многие граждане предпочитали оставаться индивидуалистами-прагматиками.

Примерно после 2010 г. стремление видеть Россию «великой державой» стало побеждать (рис. 4).

**Рис. 4. Опросы Левада-Центра о видении будущей России.
Вопрос: «Какой Вы бы хотели видеть Россию в первую очередь?».**

Источник: Левада-Центр

Очень важный вопрос социологов — «Является Россия в настоящее время великой державой?» (рис. 5). Он важен с той точки зрения, что ответы на него дают представление об изменениях самоидентификации и самооценки россиян. Динамика показательная: 31% («скорее да» и «определенно да») в 1999 г., скачок в 2000 г. — 53% (менялась власть), затем снижение показателя, его стабилизация и постепенный рост — в 2010 г. он достиг 55%³⁴. В марте 2015 г. утвердительно на этот вопрос отвечали уже 68%.

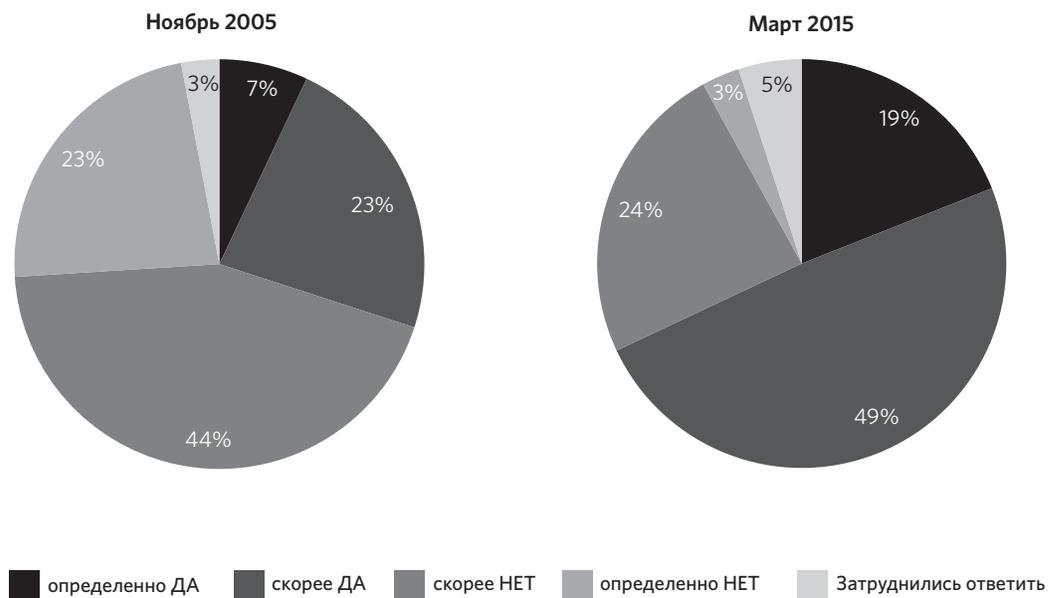

Рис. 5. Опросы Левада-Центра о нынешнем величии России.
Вопрос: «Является ли Россия в настоящее время великой державой?».

Источник: Левада-Центр

В политическом смысле спрос на консервативную идеологию снизу и готовность предлагать ее сверху в качестве почти государственного мировоззрения и одобряемого свода правил мышления и поведения шли параллельно. В результате в марте 2015 г. 49% россиян считали главной заслугой Путина возвращение стране статуса великой державы³⁵.

Конечно, в политической реальности лучше всего работает «экономика предложения»: консервативная идеология, предложенная властью, сформировала — за полтора десятка лет — стабильный и высокий спрос на нее. Хотя, еще раз повторимся, после почти десятилетия общественно-политического транзита, трансформационного кризиса, ломки социально-экономического уклада спрос населения на нечто абстрактно «консервативное» уже был, и это стало заметно на рубеже XXI в.

Сформировавшаяся за эти годы политическая конструкция и ее идеологическое обоснование отражают это параллельное движение власти и «путинского (крымского, посткрымского) большинства» к той точке, где возможна более чем 80%-ная поддержка лидера.

В этой политической системе несущей конструкцией и единственным значимым институтом остается фигура лидера. Все остальное — подпорки, служебные конструкции и, пользуясь термином Ленина, «приводные ремни». Это касается и конституционных институтов власти — парламента, суда, правительства, и партийной системы, и гражданского общества.

Идеология и официозное (политическое) православие «освящают» эту политическую систему, если не буквально воспроизводящую, то сильно напоминающую *корпоративистское государство*. В котором все сообщества — гендерные, профессиональные и прочие — контролируются государственными органами и не существуют вне государства.

В такой системе государственная власть предпочитает иметь дело со «своим» как бы «гражданским обществом» (Общественной палатой, Объединенным народным фронтом, одобренными сверху и окормленными кремлевскими грантами НКО) и, соответственно, подавляет или затрудняет деятельность саморегулируемого гражданского общества. Появляются оформленные законами понятия «иностранный агент» и «нежелательные неправительственные организации», позволяющие полностью контролировать настоящее, а не фиктивное гражданское общество.

Похожая ситуация и с партийной системой, где парламентские партии, как в цирковом акробатическом номере, подпирают с нескольких сторон основной «ствол» — партию власти. Идеологически «Единая Россия» покрывает мейнстрим — электорат без мировоззрения, с абстрактными патриотическими взглядами. КПРФ, в свою очередь, анализирует голоса условно левого и социально ущемленного электората — таким образом, чтобы они не ушли непарламентским партиям, а левая и ностальгирующая по СССР часть избирателей не радикализировалась. Функцию «стерилизации» националистических голосов выполняет ЛДПР. Любые другие выпадающие из мейнстрима национализм, патриотизм, ультралевые или ультраправые взгляды — отсекаются или объявляются экстремистскими.

По сути дела КПРФ и ЛДПР (и как бы социал-демократическая «Справедливая Россия») — отделения партии власти, отвечающие за электорат с левым или ультраправым мировоззрением, за то, чтобы голоса таких избирателей не радикализировались, а оставались внутри системы и поддерживали ее. По принципу: хочешь быть легальным националистом, не хочешь сидеть в тюрьме — выбирай исключительно из одобренного партийного меню. Или маргинализируйся. Вольница 1990-х годов

с ее многопартийностью и многоголосием, относительно свободная ситуация 2000-х закончена. 2010-е годы — время простого выбора: или за власть и ее сателлитов и их идеологию, или против власти (независимо от личных политических и идеологических предпочтений).

Государственная идеология достаточно широка и гостеприимна, чтобы собрать под одним зонтиком любые политические силы и мировоззрения, поддерживающие нынешнюю власть. Остальные оказываются вне системы — в маргинальных социальных нишах, а иной раз и в тюрьме.

Либеральный вопрос

В российском политическом дискурсе мировоззрение противников системы принято называть «либеральным». Разумеется, это расширительное использование понятия: схожим образом в 1990-е годы сторонников вестернизированного пути развития называли одним словом — «демократы». Есть и семантические различия. В государственной пропаганде, с одной стороны, либералами называют всех тех, кто ратует за права человека в западной их трактовке (например, многим в России покоя не дают однополые браки) и стоит за абстрактный «майдан», причем, как считается, за западные деньги. С другой стороны, речь идет об «атлантическом лобби» внутри власти, либералах-лоялистах, которые пытаются изнутри перенаправить вектор развития (точнее, деградация) системы. Их еще иногда называют «шестой колонной».

В принципе же есть нечетко сформулированный, но однозначно понимаемый тезис, который поддерживается государственной пропагандой: в 1990-е годы царил «либерализм», в результате чего был доведен до конца развал страны, началось массовое обнищание, победил дикий капитализм и к власти пришли олигархи. Это чрезвычайно важный идеолого-пропагандистский тезис, на котором во многом держится харизма Путина, — он пришел к власти и, как считается, в противовес беспорядку 1990-х установил прочный порядок.

Дальше начинаются нюансы. Исследования Левада-Центра показывают, что главным свойством нынешних элит граждане считают корыстолюбие (данные из рукописи статьи главы Левада-Центра Льва Гудкова «Ресурсы путинского “консерватизма”»; английская версия опубликована в сборнике статей: *Putin's Russia: How it Rose, How it is Maintained, and How It Might End* / AEI. — [S. l.], 2015). Тезис «наверху все воруют» является в массовом сознании одновременно и аксиомой, и оправданием политической апатии в логике «все равно ничего сделать нельзя». Все это в некоторой степени ухудшало отношение к Путину, рейтинги которого постепенно снижались, но в 2014-м резко пошли вверх (табл. 1).

Степень недоверия к системе уменьшилась благодаря высокой степени одобрения деятельности первого лица. Больше того, достаточно высокой

Таблица 1. Опросы Левада-Центра об отношении к Путину (в % к числу опрошенных)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013
Восхищение	4	5	4	4	4	6	9	9	4	3	3	2
Симпатия	34	37	38	30	32	32	38	40	31	28	20	18
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37	39	35	36	36	34	31	38	36	33	30
Нейтральное, безразличное	11	9	10	14	11	13	9	10	11	18	19	22
Настороженное	8	6	4	7	5	4	4	3	7	4	11	10
Не могу сказать о нем ничего хорошего	3	3	3	7	8	5	2	3	6	5	8	8
Антипатия + отвращение	1	1	1	3	2	1	2	1	2	3	5	5
Сумма ответов (Безразличное) + без негатива	49	46	49	49	47	49	43	41	49	54	52	52
+/-	3,2	4,2	5,2	2,0	2,4	3,8	5,9	7,0	2,4	2,6	0,9	0,8

Примечание. Объем выборки (общероссийской, репрезентативной) составляет 1600 человек 18 лет и старше.

Источник: Putin's Russia: How it Rose, How it is Maintained, and How it Might End / AEI. — [S. I.], 2015.

оказалась популярность министров, отвечающих за самые близкие к «достижениям» Путина и к «патриотической» тематике сферы: внешнюю политику и оборону, соответственно Сергея Лаврова и Сергея Шойгу. А виноватыми во всем плохом все равно оказываются «либералы», сторонники «майдана» и западных ценностей — люди, подрывающие как раз главное «достижение» эпохи, возвращение статуса великой державы.

В чем причина непопулярности либеральной идеологии, либеральных партий, сошедших с федеральной парламентской сцены еще в 2003 г., наконец, либералов как таковых?

Во-первых, абсолютно объективный фактор, который работал во всех странах постсоветского транзита, где были реализованы либеральные экономические реформы: естественный консервативный откат и элит, и населения на фоне социально-экономических проблем, сопровождавших переход к новому политическому и экономическому укладу. Либеральные реформаторы почти во всех странах транзита ответили в том числе за затягивание начала реформ коммунистическими или квазикоммунистическими номенклатурными элитами. Социальная цена реформ оказалась высокой. И особенно ярко это проявилось в такой сложной во всех смыслах — от географического до ментального — стране, как Россия.

Существенная часть социальных групп не была вовлечена в поддержку реформ, трансформацию страны многие стали оценивать как враждебное действие. А когда в результате либеральных реформ все-таки начался так

называемый восстановительный рост, поддерживавшийся к тому же поднявшейся нефтяной конъюнктурой и ощущением свежего старта в результате передачи власти, лавры достались уж совсем не либералам.

Во-вторых, особенности передачи власти от Бориса Ельцина к Владимиру Путину и формирования системы собственности в России (в частности, залоговые аукционы, недопуск иностранных инвесторов на первых этапах приватизации к разгосударствлению экономики) действительно привели к олигархизации «верха» экономической системы и сращиванию финансовых и политических элит.

Другой вопрос, что Путин, сделав одной из политических целей своего правления демонтаж олигархата, избавившись от самых знаковых или строптивных фигур, ничего не изменил в механике системы. Он сохранил прежних лояльных ему олигархов и переделал существенную часть активов в пользу новых олигархов, так называемых «друзей Путина», «православных чекистов» (несколько упрощенный ярлык, тем не менее много говорящий об идеологии этого круга). На выходе мы имеем огосударствление экономики, низкий уровень конкуренции, невысокую долю малого и среднего бизнеса.

В-третьих, трансформация государства, общества и экономики в глазах многих выглядела как продолжение распада, а формирование нового порядка — как хаос и беспорядок. Когда маятник настроений населения качнулся в сторону условного «консерватизма», государственная власть не только следовала за новыми установками существенной части граждан, но и способствовала их движению в сторону большего «государственничества» и «патриотизма». С одной стороны, это отражало реальные взгляды представителей государственных элит, с другой — такой идеологический крен способствовал укреплению и сохранению патерналистской и персоналистской по характеру власти. Такая система требовала построения образа врага и источника всех бед — либералы и либеральная идеология подходили на эту роль. Ощущение поражения (в холодной войне) и отказа от социальных достижений советского режима (на самом деле очень ограниченного отказа — социальная сфера слабо реформирована) компенсировалось патриотической волной, которая превратилась в цунами после присоединения Крыма. Поражения сменились победами — так это выглядит в массовом сознании.

Новый социальный контракт

Ключевой вопрос — где пределы, за которыми эта идеология перестает работать? Где заканчивается эффективность новой идеологии, когда исчерпываются ее мобилизационный ресурс и анестезирующий эффект?

Занятость в сферах, контролируемых государством или аффилированных с ним, составляет 30—35% занятого населения. Вместе с членами

семей в зависимости от государства находятся 60%, а то и 70% граждан (оценки экономистов Никиты Масленникова и Бориса Грозовского). Вполне очевидно, что эти люди ощущают себя «проедающими» нефтегазовую ренту и, голосуя за государство, за действующую власть, они голосуют за свой кошелек. В результате кризиса наполняемость кошелька резко снижается и будет находиться в депрессивном состоянии довольно долго: получается, что *адекватное выполнение социального контракта «колбаса в обмен на свободу» невозможно, а обновленная версия контракта — «Крым и духовные скрепы в обмен на свободу» — явно недостаточна для длительного сохранения социального мира.*

По логике вещей государство должно было бы отпустить государство-зависимые страты «на волю», «на заработки». Но проблема в том, что раздаточное государство, перераспределяющее ренту, не создало инструменты и среду, позволяющие людям в массовом порядке выживать и процветать в «свободном плавании» в условиях рыночной экономики. Симптоматично в этом смысле, что государство воспринимает борьбу с бедностью как уменьшение (или хотя бы сохранение) числа бедных за счет патерналистской поддержки, а не как увеличение числа состоятельных людей за счет формирования более комфортной экономической и регулятивной среды для самообеспечения и самозанятости людей.

Экономический рост в России и так-то неравномерно распределял блага — доходы от ренты не были хотя бы относительно равны для всех, кому-то из политических и олигархических инсайдеров доставалось гораздо больше. Это не был «рост для всех» («trickle-down growth»). Экономический же спад, с одной стороны, удовлетворяет недовольство, точнее, даже злорадство аутсайдеров: мол, плохо теперь всем, даже богатым. И это «маленькие радости» кризиса. Но, с другой стороны, неравенство в спаде тоже недостижимо — кризис бьет по всем, но сильнее всего по социально уязвимым слоям. А рента в таких условиях становится даже еще более «инсайдерской», доступной лишь еще более узкому кругу лиц и корпораций.

Соответственно, снижаются мобилизационная энергия и сила как самого социального контракта эпохи высокой нефтяной конъюнктуры, так и его идеологического обеспечения в виде эклектичной идеологии российского изоляционизма.

Тем не менее «информационные диктатуры», как Сергей Гуриев и Дэниэл Трейсман назвали авторитарные режимы, основанные на пропаганде и информационном прессинге, могут быть весьма долговечными. При этом, правда, чем хуже обстоят дела в экономике, тем сильнее оказываются политические репрессии. Например, Гуриев и Трейсман приводят такие данные: «Когда рост турецкой экономики замедлился с 7,8% в 2010 г. до 0,8% в 2012 г., число журналистов, находящихся в заключении, увеличилось с 4 до 49»³⁶. В своей работе эти исследователи отмечают, что в «ин-

формационных диктатурах» «репрессии применяются против обычных граждан лишь как последнее средство после того, как исчерпаны такие возможности, как кооптация, цензура и пропаганда... в экономически трудные времена увеличиваются расходы на цензуру и пропаганду»³⁷.

Идеология и «духовные скрепы» заменяют, подменяют, прикрывают не работающие институты. Здесь ключевая прагматическая функция российской государственной (или квазигосударственной) идеологии.

В этом смысле сегодняшняя российская идеология не имеет стратегического заряда. Она решает сиюминутные, тактические задачи мобилизации и консолидации общественного мнения. Ровно поэтому эклектичная идеология изоляционизма и этатизма питается в основном соками прошлого — энергией былого величия державы. И ровно поэтому у нее нет того, что было, например, у коммунистической идеологии: большой цели, горизонта планирования, словом, образа будущего. Идеология, обращенная лицом к прошлому и спиной к будущему, не может предложить нации цель развития.

Ловушка деинституционализации

Серьезное препятствие для долгосрочного мобилизационного действия нового социального контракта представляет деинституционализация — усугубляющаяся слабость институтов.

Деинституционализация в контексте классической политической философии может быть рассмотрена как восстановление естественного состояния, догосударственных и дообщественных форм существования. В этом смысле один из ее симптомов — хаос и война ведомств и кланов, ФСБ против Рамзана Кадырова и т. п.

Чем в меньшей степени социальная реальность опирается на институциональный каркас, тем в большей степени государственная власть вынуждена пускать идеологическую пыль в глаза гражданам. Чем активнее распространяются неформальные квазиинституты, тем меньше индивид ощущает связь с государством, которое хотя и выступает по отношению к нему работодателем, но во все меньшей степени адекватно выполняет роль деньгодателя. Легальная институциональная среда работает плохо, и поэтому на смену ей идут неформальные правила и институты (точнее, они никуда и не исчезали). Соответственно работник, вышедший из зоны ответственности государства, играл и играет по неформальным правилам — для того, чтобы выжить.

Для тех, кто работает в крупном интернационализированном бизнесе, была и остается еще одна опция — уход в другие юрисдикции, например те, где действуют нормы англосаксонского права. Кстати, офшоризация бизнеса — это тоже ответ на неопределенность правовой среды и прав собственности в России.

Например, малый предприниматель предпочитает уходить от налогов, потому что более эффективную защиту, а иной раз и помощь в бизнесе он получает не от государственных структур и проверяющих организаций, а от местных бандитов, которым он платит, но которые оказывают ему мало-мальскую квазиинституциональную поддержку. В этом смысле государство для предпринимателя без связей в государственных кругах перестает выполнять даже роль «стационарного бандита» (Манкур Олсон), и бизнесмен предпочитает иметь дело с бандитами помельче, в контактах с которыми есть хоть какой-то смысл.

Еще один симптоматичный пример: малый и средний бизнес в Дагестане для регулирования горизонтальных отношений и споров, как утверждает исследователь Евгений Варшавер, во все большей степени уходит в шариатский суд, потому что так можно решать вопросы в соответствии хотя бы с какими-то понятными и разделяемыми правилами и в понятной логике³⁸.

Возможно, в определенный момент, устав от неформальных правил, индивид может начать требовать от государства строительства работающих институтов. Хотя для начала надо потребовать «выдачи» инструмента такого строительства — например, нефальсифицированных выборов и монополизированной экономической среды.

И здесь уместно вспомнить три модели поведения (как внутри фирмы, так и внутри государства), которые определил Альберт Хиршман: выход (exit), голос (voice), лояльность (loyalty). Разные обстоятельства и мотивации определяют поведение людей³⁹. Можно «подать» голос — протестовать и требовать изменений. Можно выбрать стратегию выхода — «увольнения» из государства, внешней или внутренней эмиграции. Можно проявить лояльность, приспособиться к заданным обстоятельствам, даже если они не очень нравятся. (Другой вопрос, как происходит такое приспособление: если путем соблюдения запретов, то это, в терминах одной из ранних работ Збигнева Бжезинского, авторитаризм, если еще и путем исполнения специальных требований и предписаний, это уже тоталитаризм: must not дополняется опцией must do⁴⁰.)

В ситуации, когда стратегия Voice не срабатывает и/или жестко подавляется (2012 г. в России), люди выбирают между Exit (доминирующая стратегия до марта 2014 г.) и Loyalty (доминирующая стратегия после марта 2014-го). Последняя опция находит оправдание и обоснование в подкрепляющей ее «моральную правоту» консолидационной изоляционистской идеологии.

Режим достиг предела своей эффективности, потому что разрушил институты, в деградации которых велика «заслуга» и элит (качество институтов зависит от качества элит), и легких нефтяных денег (windfall money), которые исключали необходимость реформ и стимулировали рентоориентированные перераспределительные практики, в результате

которых хорошо себя чувствуют компании с государственным участием, а существенная доля расходов бюджета идет на оборону и правоохранительные органы.

В отсутствие настоящих институтов отдельные персоны становятся квазиинститутами: по этой причине те, кто ищет правил и понятной среды, прибываются не к политическим партиям как к институциональным образованиям, а к определенным личностям (например, либералы в последнее время — к Алексею Кудрину). Те, для кого будущее — и политическое, и финансовое, и бытовое, и физиологическое — связано с квазиинститутом первого лица, «жмутся» к Владимиру Путину и к сильным игрокам из его ближнего круга. Потому и «дворцовый переворот» невозможен — он предполагает захват институтов, находящихся в полностью рабочем состоянии (как, например, институт первого секретаря ЦК КПСС в системе государственной власти в СССР в 1964 г.).

Деинституционализация, впрочем, — ловушка и для самого первого лица, потому что разрушен и механизм легитимной передачи власти. В случае ухода Владимира Путина президентская власть оказывается как бы ничьей. И тогда, образно говоря, начинает действовать норма римского частного права (столь хорошо знакомого премьер-министру Дмитрию Медведеву, бывшему преподавателю гражданского права): *res nullius cedit rīto ossuranti* — ничья вещь (в данном случае власть) принадлежит тому, кто ее первым захватил. *Res publica* — общее дело, дело управления государством, становится *res nullius*, ничьей вещью, ничейным делом.

Есть еще один вопрос: каковы пределы контроля за реальностью со стороны власти в такой системе? Как пишет философ Александр Рубцов, «...убийство Немцова обострило тему неполной контролируемости процесса из-за кремлевских зубцов. Сгущение вбросов и слухов — тоже симптом. Идеократия перестает управлять политическим стебом, подогреваемым из своих же кабинетов»⁴¹.

Контроль не безграничен. Собственно, дальнейшая авторитаризация власти — симптом того, что руководство боится утратить этот контроль. Например, за национализмом и националистами: власть хочет оставаться самым главным националистом в России, монополизировать националистические идеологию и организации. Вообще стремление власти к монополизации всего и контролю за всем — один из ключевых трендов путинской эпохи: речь идет и о монополизации экономики, и политики, и идеологии, и даже душ людей (монопольная роль Русской православной церкви, которая стала одной из инстанций, транслирующих идеологию изоляционизма).

Идеология не только инструмент консолидации, мобилизации и контроля, но и средство самогипноза для власти. Добившись высоких показателей в рейтингах доверия, одобрения, электоральных рейтингах, она сама себя отдаляет от реальности, анестезирует свои тревоги и страхи.

Модернизация?

Есть ли окно возможностей для модернизационной идеологии, для превращения модернизационного, неавторитарного проекта в некий массово разделяемый образ будущего? И в чем этот проект может состоять?

Как это часто бывало в истории России, в очередной раз на повестке дня негативная программа: до предъявления позитивной программы либеральная оппозиция естественным образом настаивает на смене режима и его персонифицированного символа. И опять-таки, как это много раз повторялось на историческом пути России, особое значение приобретает понятие даже не «свободы», а «правды» (значит, «достоинства»). «В судах черна неправдой черной...», — говорил поэт о России XIX в. А с чего начиналась оттепель? Со статьи 1953 г. в «Новом мире» Владимира Померанцева «Об искренности в литературе» — пока понятие «правда» скрывалось под маской «искренности». В первом номере «Нового мира» за 1965 г. в статье Александра Твардовского «По случаю юбилея» правда объявлялась главным смыслом деятельности редакции, которая считалась в то время гнездом либеральных настроений: «Предпочтительное внимание журнал уделяет произведениям, правдиво, реалистически отражающим действительность». Правда стала этическим лейтмотивом горбачевской перестройки — страна заново познавала свою историю. Требования правды о выборах были этическим стержнем протестов 2011—2012 гг. Скандал вокруг фильма Андрея Звягинцева «Левиафан» тоже связан с тем, что все вещи названы своими именами. (Такое же значение имел во время перестройки фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», который требовал не только правды, но и покаяния.) Правда, собственно, и означала свободу. Или по крайней мере составляла ее главное условие.

Новая идеология, мифологизирующая прошлое и сакрализирующая настоящее — это отказ от правды. Например, идея создания единых учебников истории и литературы — это отказ от понимания многосложности жизни, идей, истории.

Поэтому модернизация начинается с избавления от мифологического и сакрального мышления, с ментального и этического отрезвления и возвращения к правде и реалистичному отношению к действительности. Дальше уже появляется возможность формирования не утопии и новой идеологии, а образа будущего и стратегической программы, предполагающей наличие цели движения и дорожной карты. В том примерно виде, в каком в России формировались реформаторские проекты — гайдаровских реформ (1991—1992 гг.), структурных реформ (1997 г.), программа Германа Грефа (2000 г.), «Стратегия-2020» (2011 г.).

События 2011 г. стали переломной точкой в развитии России. Сначала в продвинутых социальных слоях появилось осознание того, что курс на модернизацию, объявленный Дмитрием Медведевым, оказался не про-

сто иллюзией, а политехнологией, благодаря которой лишь укрепилась власть Владимира Путина. Затем последовали нечестные (по крайней мере процедурно и технически) парламентские выборы. Если не общество в целом, то его передовые (образованные и урбанизированные) страты явным образом в своем развитии и в своем спросе на работающие институты опережали государство. Протесты 2011—2012 гг. были, в терминах Юргена Хабермаса, «догоняющими революциями», причина которых — отказ государства от завершения реформ и модернизации. Государство с такой постановкой вопроса не согласилось, в качестве доказательств своей правоты предъявив репрессивное законодательство и продемонстрировав силу. В таких условиях — при отсутствии у демократических и либеральных движений, у гражданского общества представительства во власти, при доминировании квазипатриотической идеологии, при практическом использовании репрессивных и рестриктивных законов, принятых после выборов 2012 г., — либеральный проект, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе, едва ли возможен.

Политико-финансовые элиты не готовы к издержкам реформ. В том числе к издержкам персонального характера (уход из власти, допуск конкуренции на рынках). Тем не менее прагматизированная экономическая либеральная идеология может рано или поздно найти спрос и снизу, и сверху. А спрос на перемены в обществе и политике, загнанный вглубь репрессиями и поражением демократического движения 2011—2012 гг., никуда не делся (уровень политической культуры в этих стратах очень высок, что показала молчаливая демонстрация памяти Бориса Немцова сразу после его убийства).

Понятно, что *модернизация предполагает наличие четкого сигнала сверху и спроса снизу*. Причем спрос нередко формируется как раз сигналом сверху, когда элиты (или лидер) дают понять, что демократизация и дальнейшее движение от государственного капитализма к более конкурентной модели рыночной экономики, к более свободному обществу возможны. Такая модель сработала в годы перестройки. Предсказывать, в какой момент сложится ситуация, благоприятная для отказа от мифологического мышления и прагматизации стратегического образа будущего — практически невозможная задача для исследователя. Но то, что логика исторического и политического процесса неизбежно приводит к той точке, когда сигнал сверху и запрос снизу счастливым образом сходятся, — вполне очевидно. *Модернизация начинается тогда, когда стагнация и отставание становятся ненужными для низов и опасными для верхов.*

Примечания

- 1 *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. — М., 2014. — С. 1079.
- 2 Несмотря на то что согласно опросу Левада-Центра в августе 2013 г. лишь 9% респондентов считали себя либералами (<http://www.levada.ru/23-09-2013/politicheskie-vzglyady-rossiyan>), 55% граждан, по данным той же социологической службы марта 2015 г., полагаются только на себя, что является измерителем степени неэффективности государства и недоверия к нему; процент же склонных к патернализму снижается — с 2007 по 2015 гг. с 66% до 49% (<http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva>). Кроме того, в августе 2013 г. (более поздних данных такого рода нет) число полагающих, что при сохранении рыночной экономики государство должно оказывать социальную поддержку населению, составляло 34%. А такая позиция не противоречит либеральным взглядам или просто здравому смыслу.
- 3 *де Сото Э.* Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. — М., 1995. — С. 247.
- 4 *Биллингтон Дж. Х.* Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. — Т. 1. — М., 2011. — С. 67.
- 5 *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. — Т. 1. — М., 2008. — С. 54, 66.
- 6 *Янов А.* The Russian challenge: the USSR and the year 2000. — Oxford, 1987.
- 7 *Мау В. А., Стародубровская И. В.* Великие революции от Кромвеля до Путина // *Мау В. А.* Сочинения в шести томах. — Т. 3. — М., 2010. — С. 520.
- 8 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 9, 10.
- 9 Даниил Дондурей: «Сверхценности» опять останавливают Россию? // <http://gefter.ru/archive/14175>.
- 10 «Там, где крепостного права не было, население энергичнее»: Александр Никулин о двойном дне продовольственной безопасности России // http://www.gazeta.ru/comments/2014/11/23_x_6311725.shtml.
- 11 *Ильенков Э. В.* Философия и культура. — М., 1991. — С. 157.
- 12 *Тодоров Ц.* Дух просвещения. — М., 2010. — С. 8.
- 13 *Берлин И.* Философия свободы. Европа. — М., 2001. — С. 236.
- 14 Цит. по: *Бурдые П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. — М., 2003. — С. 246—256.
- 15 *Набоков В.* Со дна коробки: Рассказы. — М., 2001. — С. 110—111.
- 16 Цит. по: *Геллер Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. — М., 2004. — С. 71.

- 17 Простая идеология должна иметь простые составляющие. Например, образ врага как вне «осажденной крепости», так и внутри нее. В речи Владимира Путина 18 марта 2014 г., оправдывавшей аннексию Крыма, была задана рамка этой составляющей идеологии: «Мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны — разного рода “национал-предателей” — или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?» (<http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>). А вот и вторая составляющая, из послания Федеральному собранию 2014 г.: «...для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда» (<http://www.kremlin.ru/news/47173>).
- 18 *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М., 2001. — С. 100.
- 19 <http://www.novayagazeta.ru/politics/54644.html>.
- 20 <http://fom.ru/Mir/11911>.
- 21 <http://www.levada.ru/11-12-2014/68-rossiyan-schitayut-rossiyu-velikoi-derzhavoi>.
- 22 <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya>.
- 23 <http://www.levada.ru/20-01-2015/rol-lichnostei-v-istorii-rossii>.
- 24 <http://www.levada.ru/31-03-2015/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany>.
- 25 *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М., 2003. — С. 264—265.
- 26 Там же. — С. 283.
- 27 <http://www.levada.ru/12-05-2015/ugroza-dlya-rossii-so-storony-ssha>.
- 28 Умом Россию понимать // Гуманитар. контекст. — 2009. — № 1. — С. 32—38.
- 29 <http://www.levada.ru/28-10-2014/nuzhna-li-rossii-demokratiya>.
- 30 <http://www.levada.ru/21-04-2015/bolshinstvo-rossiyan-khotyat-chtoby-rossiya-shla-po-sobstvennomu-puti>.
- 31 <http://www.levada.ru/04-10-2001/sotsialno-politicheskaya-obstanovka-v-rossii-sentyabr-2001-goda>.
- 32 <http://www.levada.ru/03-04-2003/reformy-ozhidaniya-rossiyan>.
- 33 <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/rossiiskaya-identichnost/kakoi-vy-khoteli-videt-seichas-rossiyu-v->
- 34 <http://www.levada.ru/23-03-2015/pozitsii-rossii-na-mezhdunarodnoi-arene>.
- 35 <http://www.rg.ru/2015/03/27/dostizhenia-site.html>.
- 36 <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/03/25/avtoritarizm-v-vek-informatsii>.
- 37 http://www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=10454.
- 38 http://www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=10454.
- 39 *Hirschman A. O.* Exit, Voice and Loyalty. Responses to Decline in Firms,

Organizations, and States. — [S. l.], 1970. Рус. перев.: *Хиршман А. О.* Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. — М., 2009.

- 40 Zbig: The Strategy and Statecraft of Zbigniew Brzezinski / Ed. by Ch. Gati. — Baltimore, 2013. — P. XV.
- 41 <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/12/metafizika-vlasti-dim-s-ognem>.

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основными задачами которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ КРЫМА
Пределы эффективности и мобилизации

Андрей Колесников

Редактор А. Иоффе
Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 30.06.2015
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,5
Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна
Россия, 125040, Москва,
Ленинградский проспект, 11-28
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»
129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

 МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru